

Джон
Бёрджер

ДЖОН
Бёрджер

Дж.

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б48

Серия «Booker Prize»

John Berger

G.

Перевод с английского А. Питчер

Компьютерный дизайн *Г. Смирновой*

Печатается с разрешения автора и литературного агентства
Agencia Literaria Carmen Balcells, S.A.

Бёрджер, Джон.

Б48 Дж. : [роман] / Джон Бёрджер ; [пер. с англ. А. Питчер]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Booker Prize).

ISBN 978-5-17-086868-1

Дж. — молодой авантюрист, в которого словно переселилась душа его соотечественника, великого соблазителя Джакомо Казановы. Дж. участвует в бурных событиях начала XX века — от итальянских мятежей до первого перелета через Альпы, от Англо-бурской войны до Первой мировой. Но единственное, что его по-настоящему волнует, — это женщины. Он умеет очаровать женщин разных сословий и национальностей, разного возраста и положения, свободных и замужних, блестящих светских дам и простушек. Но как ему удастся так легко покорять их? И кто он — холодный обольститель и погубитель или же своеобразное воплощение самого духа Любви?..

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-086868-1

© John Berger, 1972

Школа перевода В. Баканова, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

*Для Ани и ее сестер по движению
за эмансипацию женщин*

ЧАСТЬ I

1

Отца главного героя этой книги звали Умберто. Он торговал засахаренными фруктами в Ливорно и весьма преуспел в коммерции. Невысокий толстяк, Умберто выглядел еще ниже из-за чрезвычайно крупной головы. Эта необычная черта его внешности привлекала тех женщин, которых не пугали сплетни и общественное мнение. Огромная голова намекала на упрямство, солидность и страсть. Женщины из торгового сословия Ливорно или Пизы, отличаясь робким нравом, считали Умберто чудовищем и между собой называли его Скотом. Прозвище, данное за грубость, любострастие и наглость, таило в себе безотчетное, подспудное влечение, а потому никогда не употреблялось в присутствии мужей и звучало исключительно на женских посиделках.

Эсфирь, супруга Умберто, была еврейкой, дочерью либерального ливорнского газетчика и вышла замуж в двадцать лет. Отец полагал Умберто некультурным и невежественным, однако, верный своим либеральным убеждениям, не стал противиться браку, а через год внезапно умер. Неожиданная кончина родителя положила начало таинственному недугу самой Эсфирь, обосновавшему ее незыблемое право на отстранение и уединение. Умберто казалось, что он женат на призраке (призраки он связывал с женщинами и их склонностью ко всему сверхъестественному). Эсфирь же утвердилась во мнении, что вышла замуж за чудовище, хотя в то время и не подозревала, каким прозвищем подруги нарекли ее мужа.

Душа общества в провинциальном городе, Эсфирь ежедневно принимала гостей и наносила визиты. От приглашения к ней на ужин не отказывался никто. Главным секретом успеха Эсфири — равно как и влияния, которым пользовался Умберто среди жителей Ливорно, — была ее внешность. Каштановые волосы она гладко зачесывала назад, подчеркивая узкое, невероятно бледное лицо, на котором темнели томные глаза, окруженные глубокими тенями. Эсфирь отличалась чрезвычайной худобой, хотя и не выглядела изможденной. Изможденность говорит о нездоровье и ненадежности плоти; Эсфирь, нежная и хрупкая, казалась созданной с необычайным искусством не из плоти и крови, а из иных, неведомых материй, не подверженных брэнному плену.

Ливорнские друзья и знакомые Эсфири полагали ее внешность признаком возвышенной одухотворенности. Она единственная понимала их устремления, способна была оценить веру, красоту, душевные порывы, прощение, невинность, дочернее послушание и любовь. Собеседник, желая объяснить возвышенность своих чувств, безмолвно обращался к ней за подтверждением; кивок или медленно опущенные веки уверяли его в абсолютном понимании и, следовательно, в истинности его высказываний.

Наедине с ней женщины говорили исключительно о себе, стараясь выставить себя в самом неприглядном свете, ибо чем больше они себя хулили, тем веселее было последующее одобрение, которого они так жаждали и которое следовало немедленно за завершением рассказа, поскольку становилось ясно (к изумлению рассказчицы), что коль скоро их выслушали с интересом и без укоризны, то их деяния или намерения заслуживают признания. К Эсфири приходили как к исповеднику.

Подобное отношение возникло главным образом из-за ее супруга. Если бы не Умберто, Эсфирь сочли бы святой по сути, а не из-за внешнего облика, что неблагоприятно сказалось бы на ее положении в обществе. Возможно, она и в самом деле олицетворяла некие духовные ценности; са-

ма она считала, что ей больше приличествует служить символом ливорнской буржуазии. К счастью, Эсфирь была женой преуспевающего торговца засахаренными фруктами; более того, женой человека, печально известного своими грубыми манерами, цепкой деловой хваткой и непомерными аппетитами, а значит, в определенной степени не избежала его тлетворного влияния. Подобная испорченность, существование которой было невозможно ни доказать, ни опровергнуть, не позволяла считать возвышенную одухотворенность Эсфирь ни чрезмерной, ни постыдной.

* * *

Мать главного героя этой книги была двадцатишестилетней женщиной по имени Лаура, дочерью американки и британского генерала, ныне покойного.

Лаура и Эсфирь никогда не встречались, но представьте их бок о бок, так, как представлял их Умберто. Лаура, низенькая русоволосая толстушка с курносом носом, выглядит рядом с Эсфирь неуклюжей девчонкой. Впрочем, ведет она себя совсем не по-детски. Дорогие наряды она носит умело, хотя и без присущего Эсфирь достоинства. Лаура много и настойчиво говорит; Эсфирь слушает. Ладони Лауры пухлые и короткопалые; у Эсфирь изящные кисти рук с длинными чуткими пальцами. Лаура демонстрирует свое несогласие, широко распахивая золотисто-зеленые глаза; Эсфирь выражает недовольство, опуская веки. Потревоженная во время купания, Эсфирь цепенеет, будто испуганный зверек, и остается совершенно неподвижной. Лаура, напротив, прикрывает грудь руками, скрючивается и пронзительно визжит.

Друг к другу они питают ревность. Лаура уговорила Умберто показать ей фотографию жены и теперь считает, что Эсфирь наделена всеми теми восхитительными женскими качествами, которых ей, Лауре, не дано. Эсфирь подозревает, что Умберто тратит огромные деньги на свою американскую любовницу.

В Нью-Йорке семнадцатилетняя Лаура вышла замуж за миллионера, сколотившего состояние на медных рудниках; через два года она его бросила и уехала в Париж, к матери. Три года назад они с Умберто встретились на пассажирском пароходе, на пути в Геную. Умберто добивался ее внимания с сосредоточенной настойчивостью, дотоле неведомой Лауре. Она писала матери, что чувствует себя Клеопатрой (корабль шел из Египта). Они с Умберто провели целый месяц в Венеции.

«Умберто нанял певцов, которые сопровождали нас по каналам в гондолах, — сообщила Лаура в следующем письме. — Ах, я никогда это не забуду! Он тебе очень понравится. Поэтому в Париж я с ним не поеду. У него везде друзья, и здесь нас уже пригласили на бал. Умберто хотел купить мне бальное платье, но я отказалась, и вместо бала мы поехали в Мурано».

Три года они встречались в Милане и Ницце, в Женеве и Лугано, на озере Комо и в разных курортных городах, но Умберто никогда не позволял ей приехать в Ливорно. В перерывах между встречами Лаура уезжала в Париж, к матери и ее богатым друзьям-американцам, которым ничего не рассказывала о своем итальянском любовнике — торговце засахаренными фруктами. Она брала уроки пения (до тех пор, пока не решила, невзирая на протесты преподавателя, что способностей у нее нет) и изучала труды Ницше. Всякий раз, глядя на Умберто после долгой разлуки, Лаура изумлялась невероятности их отношений. В Умберто ее оскорбляло полное отсутствие утонченности и простодушная похвальба деньгами. Лаура убеждала себя, что в Нью-Йорке он был бы скромным официантом, до общения с которым они с друзьями не снизошли бы. Впрочем, проводя час в его обществе, Лаура забывала о своем критичном отношении и будто оказывалась запертой в башне, покинуть которую могла только с уходом Умберто. В этой башне Лаура была одновременно и любовницей, и ребенком. Там она играла — серьезно или легкомысленно — с тем, что он ей предоставлял. Не видя Умберто, Лаура думала о нем, о его

страсти к ней и о своих собственных чувствах, словно они были местом, которое можно посещать и куда можно возвращаться; она даже приходила туда в своих снах, однако никогда там надолго не задерживалась.

* * *

Умберто провел молодость в Нью-Йорке, служа в компании, импортировавшей оливковое масло и итальянский вермут, поэтому хорошо говорит по-английски, хотя и с сильным итальянским акцентом.

— Ах, Лаура, как величественны горные вершины! А озеро такое спокойное и умиротворяющее. Вечерний покой прекрасен, но ты еще прекраснее, *mia piccolo*, малышка моя. Только с тобой я способен насладиться спокойствием... Подумать только, ради тебя я проехал сквозь эти горы! Под землей! По пятнадцатикилометровому тоннелю*, представляешь? Пятнадцать километров! Это чудо современной техники — пятнадцатикилометровый тоннель под горами. И ты, *passeretta mia*, мой воробушек, встречаешь меня на склонах!..

Умберто с любовницей садятся в экипаж и отъезжают с вокзала в гостиницу. Умберто только что приехал в Монтрё. Он обнимает Лауру и пытается лизнуть ей ухо.

— За кого ты меня принимаешь? — возмущенно говорит она и отталкивает Умберто.

— За Лауру, за мою Лауру, — шепчет он. — Ты — моя Лаура.

Из внутреннего кармана пальто он вытаскивает сверток, перевязанный голубой ленточкой, и, почтительно склонив голову, обеими руками протягивает его Лауре, будто подношение. Она берет сверток, а Умберто тут же хватается за бедра. Она укоризненно смотрит на его руки. (Лаура давно старается отучить его прилюдно демонстрировать свои чувства. По мнению Умберто, экипаж — то же самое, что отдельный кабинет в ресторане, хотя Лаура утверждает, что общественные места не становятся частными владениями

* Готардский железнодорожный тоннель открыли в 1882 году. При его строительстве погибли восемьсот человек.

только потому, что за них заплачено.) С тыльной стороны руки Умберто покрыты черными волосками. Эти властные руки хорошо знакомы Лауре — они все делают так, как ему угодно. За ужином этими руками Умберто обрисовывает громады своих замыслов компаньонам, которые рады принять участие в предлагаемых предприятиях. На рынке одобрительное прикосновение этих рук возводит фрукты в разряд наилучших, а пренебрежительное — отправляет их на свалку. Умберто откидывается на спинку сиденья и смотрит, как Лаура разворачивает подарок.

Из-под слоев черной папиросной бумаги она извлекает зеленую бархатную шапочку-джульетку, расшитую жемчугом, и ахает. Умберто решает, что это вздох восхищения.

— Жемчуг настоящий, *passeretta mia*.

«Ну почему ему втемяшилось в голову подарить мне эту дурацкую шапочку именно сегодня?! Мне же не шестнадцать лет! — Безрассудство любовника приводит Лауру в ярость, как и то, что при встрече он едва не укусил ее за ухо. — Почему он не задумывается, нравится мне это или нет? Мог бы и запомнить!»

— Я ее не надену, — заявляет она. — Эта нелепая вещица больше подойдет юной воспитаннице католической академии.

В полумраке экипажа шапочки почти не видно. Три полоски жемчуга ожерельем лежат у Лауры на коленях.

— И притворяться мне ни к чему, правда же? — продолжает она. — Ты расстроишься, если я не буду ее носить?

— Купим тебе ожерелье, — говорит он.

Умберто обожает ее независимость. Где бы он ни был, Лаура приезжает к нему, предварительно изучив историю местности. Она водит его по замкам и садам, показывает ему достопримечательности и всегда знает, чего хочет. Но стоит ему заключить ее в объятия, как она становится покорной, как воробушек. Поэтому он ее так и зовет — *passeretta mia*, мой воробушек.

— Мы поужинаем в номере, — говорит он. — Устроим пир, закажем белое швейцарское вино. Помнишь, ты гово-

рила, что заказывать его — все равно что есть рыбу ножом. А потом нас ждет постель, *passeretta mia*. Завтра мы пойдем искать тебе ожерелье, и если не найдем такого, которое тебе понравится, то поедем в Милан.

В постели Умберто всякий раз изумляется своей любовью, хотя всякий раз не верит, что она снова его изумит. Этим объясняется его нетерпение. Лаура, с виду такая бойкая, волевая и независимая, в постели превращается в ласковое и покорное создание; Умберто поражают ее легчайшие, невесомые прикосновения.

Лобок ее покрыт тонкими редкими волосками, мягкими, как шелк; маленькие розовые соски наливаются багрянцем под поцелуями; когда она запрокидывает голову и улыбается, между верхними и нижними зубами виден тончайший просвет, не шире песчинки. Нежное, податливое тело изумляет Умберто и будит в нем пылкую страсть.

— Я сохраню шапочку, — говорит Лаура и касается его руки. — Кто знает, может, в один прекрасный день я подарю ее дочери.

— Ах, девочка моя, ты такая сумасшедшая! Право же, *matta!*

Умберто восторженно называет Лауру *matta*, помешанная. Для него безумие — отличительная черта Ливорно. Оно таится в огромных складах, слепых и безмолвных, будто заброшенные крепости; в фигурах четырех мавров, прикованных цепями к памятнику Фердинандо I Медичи; в скоплении товаров, переполняющих город; в небе, нарезанном на квадраты рядами зданий над темными каналами; в непоседливости жителей; в близости стен; в пустырях; в запахе бедности и богатства; в укромной бухте.

Ливорно периодически охватывает безумие. Впервые Умберто заметил это десятилетним мальчишкой, в 1848 году. Мосты, пустыри, пристани, площадь Сан-Микеле, четыре мавра, палубы и мачты кораблей, выстроившихся вдоль берегов бухты, — все это заполнено людьми. Над толпой

нависают четко очерченные прямоугольники массивных зданий, придавливают ее, но она растет и растекается все дальше и дальше, без конца и края, а люди все прибывают и прибывают: *i teppisti!* Мятеежники!

Толпа проверяет человека на прочность. Толпа осознает свою судьбу независимо от жизни каждого из собравшихся. Судьба толпы заключается в постоянных лишениях и унижениях, но ее потребностей это не умеряет. В каждом взгляде горит желание, однако удовлетворить его невозможно. Разумеется, такое противоречие неизбежно приводит к насилию, столь же очевидному, как само присутствие толпы. Толпа стремится уничтожить противоречие. Ей необходимо разрушить установленный порядок, который из поколения в поколение определяет возможное и невозможное. Толпа ставит простой выбор перед тем, кто не является ее частью: либо видеть в ней надежду человечества, либо проникнуться всепоглощающим страхом. Тому, кто находится вне толпы, трудно увидеть в ней надежду человечества. Эту надежду может заметить только подготовленный.

Умберто боялся толпы, объясняя свой страх тем, что толпа безумна.

В толпе ораторы произносили страстные речи. Жаркими летними ночами 1848 года мальчик по имени Умберто обливался потом в своей постели. Лица ораторов распухли от жары; по щекам, будто слезы, струился пот.

Умберто считает, что любому разумному человеку следует полагать себя отличным от остальных, ведь только это позволит ему понять, чего именно он сможет или не сможет добиться от жизни. По мнению Умберто, лишь безумец требует всего или ничего. *Roma o Morte!* Рим или смерть!

Умберто не может оставить жену. Он не ощущает ответственности и последовательности ни в детях (которых у него нет), ни в своем окружении; он одинок, брошен на произвол времени. Ради процветания дела и успеха своих

предприятий ему приходится быть на дружеской ноге с теми, кого он презирует или ненавидит. Даже в доверительных беседах он не раскрывает и десятой доли того, что у него на уме.

— Ах, девочка моя, ты такая сумасшедшая!

Умберто зовет безумием то, что ему угрожает. Не тех, кто угрожает ему лично — конкурента, вора или того, кто наставит ему рога, — а то, что грозит разрушить саму структуру общества, которое обеспечивает Умберто привилегированный образ жизни.

Привилегии для Умберто важнее, чем сама жизнь, — не потому, что он не выжил бы без своей американской любовницы, четырех слуг, фонтана в саду, шелковых рубашек или званых ужинов жены, а потому, что в привилегиях заключена система ценностей и оценок, с помощью которых он судит о смысле прожитой жизни. Все его ценности проистекают из веры в то, что привилегии он заслужил.

Однако же осознанный Умберто смысл жизни его не удовлетворяет. Он спрашивает себя, отчего свобода всегда воспринимается как уже завоеванное, подчиненное качество? Отчего свободой нельзя наслаждаться без того, чтобы за нее бороться?

Умберто называет безумием то, что угрожает общественному порядку, гарантирующему его привилегии. *I teppisti* олицетворяют безумие. Но безумие также предполагает свободу от общества, в котором он существует. Таким образом, Умберто приходит к выводу, что ограниченное безумие даст ему больше свободы в обществе.

Он зовет Лауру сумасшедшей в надежде, что она привнесет в его жизнь частичку свободы.

— Умберто, у меня будет ребенок. Наверное, девочка. Если родится девочка... — Лаура вспоминает о шапочке и решает, что разговор о подарке поможет смягчить резкое заявление. Она рада, что забеременела, постоянно думает о будущем ребенке, но считает унижительной необходи-